

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Писарев Л.

**СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ
КАК УЧИТЕЛЬ
ЖИЗНИ**

Православный собеседник, 1907, II, с. 804-827

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ КАКЪ УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ.

Ровно 1500 лѣтъ тому назадъ, въ самую пору расцвѣта христіанства, 14 сентября, въ тяжеломъ и безвѣстномъ изгнаніи, въ окрестностяхъ глухой армянской деревушки Команы, въ церкви св. Василиска, отошелъ въ вѣчность знаменитый столпъ христіанства, св. Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ стольнаго города Константина, добрый, нелицепрїятный пастырь и твердый борецъ за правду Христову, человѣкъ необыкновеннаго нравственнаго подъема и воодушевленія, выдающійся духовный ораторъ, покорявшій своихъ слушателей удивительнымъ краснорѣчіемъ, въ которомъ счастливо сочетались внѣшнія формы ораторскаго таланта съ идейнымъ горѣніемъ христіанскаго сердца,—чистаго, пламеннаго, воодушевленнаго высокими идеалами Евангельской Христовой истины.

Теперь, когда насъ отдѣляетъ отъ момента блаженной кончины Златоуста уже цѣлое полуторатысячелѣтіе, объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ христіанства конечно не можетъ быть двухъ мнѣній. Исторія давно уже произнесла свой безпристрастный судъ надъ личностью Златоустаго пастыря. Весь христіанскій міръ, безъ различія вѣроисповѣданій, замѣчательно единодушно сплетаетъ вокругъ его главы пышный лавровый вѣнокъ и окружаетъ его личность ореоломъ неувыдаемаго величія и славы. Католическая церковь въ настоящіе юбилейные дни посвящаетъ ему цѣлый рядъ торжествъ. Православная Церковь точно

также сегодня по всей Россіи достойно чтить его святое имя. Но если мы перенесемъ свою мыслію въ глубь сѣдой старины и пойдемъ вслѣдъ за живымъ Златоустомъ, по стопамъ его жизни, то мы ясно увидимъ тернистый путь его многострадательной пастырской дѣятельности, закончившейся, какъ извѣстно, лишеніемъ кафедрѣ и постыднымъ изгнаніемъ,—постыднымъ, конечно, не для личности самого Златоуста, а для его властныхъ враговъ. Послѣдніе моменты жизни Златоуста вообще составляютъ скорбныя страницы въ исторіи Церкви. Когда геній Златоуста, можно сказать, достигъ апогея своего величія, когда его нравственный обликъ, какъ пастыря и администратора, особенно величаво обрисовался среди окружающей мрачной дѣйствительности, когда онъ сдѣлался въ буквальномъ смыслѣ слова властелиномъ душъ и сердецъ врученной ему паствы, когда сами язычники—съ нескрываемымъ удивленіемъ—питали зависть предъ его личностью и выражали свое искреннее сожалѣніе, что „христіане его похитили у нихъ“,—въ этотъ именно историческій моментъ моральнаго торжества христіанства Златоустъ и долженъ былъ испытать всю бездну несчастій, которыя обрушились на его голову. Онъ палъ, сраженный интригами придворной аристократіи, поддержанной своенравной мстительной императрицей Евдоксіей, державшей въ это время бразды государственнаго правленія при слабомъ безвольномъ императорѣ Аркадіи. Нравственно чистый, непреклонно твердый, не знавшій сдѣлокъ съ совѣстью, Златоустъ оказался для придворныхъ интригановъ слишкомъ тяжелымъ нравственнымъ ярмомъ, чтобы удержаться въ Константинополь, этомъ второмъ Вавилонѣ, по выраженію историка. Были пущены въ ходъ его врагами всѣ средства, чтобы только отдѣлаться отъ ненавистной личности этого „новаго Катона“, который въ это время приобрѣлъ неограниченное нравственное вліяніе среди простаго Константинопольскаго народа, среди всѣхъ, кому дороги были высшіе идеалы христіанской жизни и нравственности. И среди высшаго духовенства нашлись тогда люди, вродѣ Теофила, патр. Александрійскаго, Ака-

кія, еп. Берійскаго, Серапіона, еп. Гавальскаго, которые, по личной злобѣ къ Златоусту, рѣшили устроить видимость канонически-церковнаго осужденія Златоуста.

Такъ составилъ въ 403 году соборъ въ Халкидонѣ, который извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ „Придубскаго“. Небольшое число епископовъ, нарочно привезенныхъ изъ Египта, поддержанное съ одной стороны Евдоксіей, а съ другой епископами—Серапіономъ, Акакіемъ, Кириномъ, подъ предсѣдательствомъ Теофила, и вынесло Златоусту обвинительный вердиктъ, осудивъ его на изгнаніе съ каеэдры. Въ вину Златоусту было поставлено главнымъ образомъ его неуваженіе къ личности императрицы, которую онъ, будто бы, злонамѣренно оскорбилъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, сравнивъ ее съ Іезавелью и назвавъ „Адоксіей“, т. е. безславной. При этомъ былъ поставленъ на видъ Златоусту и его еретическій образъ мыслей, который, будто бы, явно обнаружился покровительственнымъ отношеніемъ его къ оригенистамъ, почитателямъ извѣстнаго богослова Оригена, надъ которымъ въ данное время, по проiscaмъ все того же Теофила, сгушались уже черныя тучи. Собору 39 епископовъ, при покровительственномъ отношеніи къ нему Евдоксіи, конечно, не трудно было добиться утвержденія обвинительнаго акта со стороны императора. Златоустъ былъ осужденъ на низверженіе и долженъ былъ отправиться въ ссылку. Впрочемъ, на этотъ разъ гроза прошла для него сравнительно благополучно. Когда онъ, подъ конвоемъ солдатъ, находился уже въ предмѣстьяхъ Константинополя,—въ Пренсетѣ,—сильное землетрясеніе, разрушившее многія зданія въ Константинополѣ, заставило раскаяться Евдоксію въ своемъ проступкѣ противъ личности Златоуста. Евдоксія, при всей своей вѣтренности и мстительности, была крайне суевѣрной женщиной. Землетрясеніе она объяснила себѣ какъ результатъ гнѣва Божія за поруганную честь Златоуста. Осужденіе съ изгнанника было снято, при чемъ также поспѣшно, какъ и было наложено. Оправданный новымъ соборомъ 65 епископовъ, которые осудили въ свою очередь Придубскій соборъ, Златоустъ

снова вступилъ на кафедру Константинополя среди всеобщаго ликования клира и народа. Но ненадолго. Когда первые порывы суевѣрнаго страха предъ судомъ Божиимъ ослабѣли въ душѣ Евдоксіи, когда Златоустъ снова не утерпѣлъ, чтобы не обличить въ своей пламенной проповѣди Евдоксію за чисто языческія празднества, которыя она устроила по случаю открытія серебрянной колонны, возглавленной ея собственнымъ бюстомъ и водруженной около самаго алтаря церкви св. Софіи, Златоусту пришлось снова испытать цѣлый рядъ гоненій. Злоба противъ Златоуста въ душѣ Евдоксіи снова закипѣла. Опять появились на сцену и его духовные судьи—все тѣ же Теофиль, Акакій, Серапіонъ и Киринъ. На этотъ разъ не сочли нужнымъ составлять даже особаго собора и на все дѣло посмотрѣли съ точки зрѣнія постановленій Придубскаго собора. Въ вину Златоусту было поставлено то, что онъ неправильно, будто бы, возвратился на кафедру, вопреки разъ состоявшемуся осужденію. Хотя подобное обвиненіе было неправильно даже съ формальной стороны, такъ какъ послѣдующимъ соборомъ 65 епископовъ осужденіе было снято съ Златоуста и онъ былъ снова водворенъ на кафедру по настойчивому желанію самой же Евдоксіи, но, однако, мнѣніе Теофила и его единомышленниковъ было скрѣплено верховной властью императора Аркадія. Златоусту безъ всякаго суда и слѣдствія было предписано немедленно оставить кафедру. Тщетно Златоустъ взывалъ въ это время къ голосу справедливости и требовалъ надъ собой всецерковнаго суда. Его судьба была отдана въ руки исключительно одной только кучки придворныхъ временщиковъ и интригановъ, не пожелавшихъ, по вполне понятной причинѣ, расширять рамки общецерковной компетенціи. тѣмъ болѣе, что настроеніе народныхъ массъ и большинства клира было не на сторонѣ судей Златоуста. Константинопольскій народъ и клиръ слишкомъ недвусмысленно заявляли свой негодующій протестъ противъ той неправды, какой была окружена личность гонимаго іерарха.

Между тѣмъ критическое положеніе Златоуста обострялось все болѣе и болѣе. Въ праздникъ Рождества Христова самъ императоръ отказался публично принять св. тайны изъ его рукъ. Въ Великую Субботу въ крещальнѣ храма св. Софіи произошло кровавое избіеніе, которому подверглась громадная группа въ три тысячи человѣкъ, приготовившаяся принять отъ Златоуста св. крещеніе. Грубые солдаты, дѣйствовавшіе несомнѣнно по особому наказу, избили въ самомъ храмѣ множество христіанъ, которые не желали отказаться отъ общенія съ своимъ любимымъ епископомъ; при этомъ были осквернены даже св. дары евхаристіи грубыми руками фракійскихъ солдатъ-язычниковъ. На жизнь самого Златоуста было дважды произведено покушеніе, которое было предупреждено только бдительностью его друзей. Наконецъ, 5 іюня 404 года, состоялось утвержденіе императоромъ самаго акта низложенія и изгнанія Златоуста. Кроткій пастырь, ревновавшій больше всего о мирѣ церкви, а не о своемъ личномъ самолюбіи, добровольно уступилъ физической силѣ своихъ настойчивыхъ враговъ. Онъ тайно, незамѣтно для народа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ близкихъ ему друзей, оставилъ патріархію и на берегахъ Босфора отдался въ руки ожидавшихъ его чиновниковъ. Такимъ образомъ удалился „ангелъ церкви“, по выраженію его біографа—Палладія Еленопольскаго. На каедрѣ Константинополя навсегда замолкли золотыя уста. Златоустъ окружилъ свой уходъ изъ патріархіи такой таинственностью, что народъ узналъ о похищеніи своего пастыря только тогда, когда изгнанникъ подъ конвоемъ стражи уже отплылъ отъ береговъ Босфора. Страшный взрывъ народнаго негодованія былъ отвѣтомъ на эту драму. въ Константинополѣ поднялось цѣлое возмущеніе, во время котораго въ пламени пожара погибло зданіе сената, были повреждены строенія патріархіи и часть самаго храма св. Софіи. Этотъ неразумный поступокъ толпы еще болѣе ухудшилъ положеніе Златоуста и его друзей, которыхъ вполне естественно заподозрили, если не въ активномъ участіи, то по крайней мѣрѣ въ подстрекательствѣ къ

бунту. Начались жестокия пытки и казни. Самому Іоанну мѣстомъ ссылки былъ назначенъ отдаленный глухой городъ Кукузы (въ Арменіи), населенный полудикими племенами исаврянъ. Болѣе тяжелой пытки для изможденнаго трудовой жизнью старца—нельзя было и придумать. Вдали отъ своихъ друзей, внѣ сферы привычной обстановки, онъ какъ бы заживо погребался въ Исаврійскихъ горахъ; у него былъ оборванъ самый жизненный нервъ его существованія. Когда же оказалось, что и въ полудикихъ Кукузахъ Златоустъ сумѣлъ проявить кипучую дѣятельность и снискать симпатіи среди жителей, враги перебросили его въ Питіунтъ, еще болѣе отдаленный и глухой городъ Арменіи. На пути туда и закончилась трудовая жизнь св. мученика. И безъ того надорванный, организмъ Златоуста наконецъ не выдержалъ. Возлѣ Команы, при гробницѣ св. Василиска, онъ мирно закончилъ свою жизнь съ знаменательными словами на устахъ: „Слава Богу за все“. Таковъ заключительный скорбный аккордъ жизни знаменитаго Златоуста, которому мы сегодня сплетаемъ лавровый вѣнокъ.

Вскорѣ же послѣ смерти Златоуста его поруганная честь была восстановлена. Еще при патріархѣ Атикѣ, второмъ преемникѣ мученика-патріарха, въ 417 г., (т. е. черезъ 10 лѣтъ послѣ его кончины), его имя было занесено въ диптихи Константинопольской церкви. То же было сдѣлано еще въ 413 г. Александромъ Антиохійскимъ и Кирилломъ Александрійскимъ. Такимъ образомъ Златоустъ былъ прославленъ, какъ святой мужъ, безупречный дѣятель церкви. По указу императора Θεодосія Младшаго въ 438 г. его останки были перенесены изъ Команы въ Константинополь. Халкидонскій Вселенскій соборъ (451 г.) прославилъ его, какъ знаменитаго проповѣдника, упрочивши за нимъ самое названіе Златоуста, подъ которымъ онъ извѣстенъ и теперь всему христіанскому міру. Такимъ образомъ безпристрастный судъ исторіи былъ произнесенъ надъ нимъ.

Ясно, что Златоустъ оказался для потомковъ внѣ всякаго подозрѣнія и во всякомъ случаѣ онъ не былъ

возмутителемъ народа въ дурномъ смыслѣ этого слова, какъ это казалось иногда разстроенному воображенію его враговъ. За что же, спрашивается, постигла Златоуста столь суровая кара со стороны его современниковъ,— императора Аркадія и нѣкоторыхъ представителей церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ самомъ характерѣ дѣятельности св. Златоуста, какъ администратора церкви и духовнаго писателя, и прежде всего въ тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, среди которыхъ долженъ былъ развернуться его могучій гений. Нельзя, конечно, отвергать, что въ трагической судьбѣ Константинопольскаго пастыря видную роль играли и чисто случайныя обстоятельства—личная злоба мстительной Евдоксіи, совершенно своеобразное интриганство Теофила, челоуѣка искательнаго, злобнаго, неразборчиваго въ средствахъ борьбы. Но все же несомнѣнно, что въ судьбѣ Златоуста дѣйствовали также и глубоко историческіе факторы; въ самой атмосферѣ окружающей дѣйствительности былъ какой то микробъ, который въ IV вѣкѣ обычно губилъ всѣхъ лучшихъ дѣятелей церкви, подобныхъ Златоусту. Извѣстно, что Аванасій Великій, этотъ общепризнанный „отецъ православія“ чуть ли не половину своего долгаго епископствованія въ Александріи провелъ въ ссылкѣ и изгнаніи (всего пять разъ—при Константинѣ,—при Констанціи два раза, при Валентѣ и Юліанѣ). Василій Великій все время долженъ былъ работать подъ страшнымъ гнетомъ со стороны императора Валента и, если удержался на кафедрѣ, то только по своимъ исключительнымъ административнымъ дарованіямъ. Григорій Нисскій, этотъ лучший христіанскій философъ и богословъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ епископствованія, закончилъ свою жизнь въ безвѣстномъ изгнаніи. Григорій Богословъ, эта краса Константинополя, талантливѣйшій мыслитель и проповѣдникъ, самъ не выдержалъ тягостей окружающей административной обстановки и сложилъ съ себя званіе епископа Константинопольскаго, отправившись въ уединеніе монастырскаго затвора. Иеронимъ Стридонскій съ первыхъ же шаговъ своей церковно-административной дѣятельности,

оставилъ всякую мечту о дальнѣйшемъ прохожденіи церковныхъ должностей и весь ушелъ въ науку, замнувшись на цѣлые 35 лѣтъ въ затворъ Виолеемскаго монастыря. Амвросій Медиоланскій, этотъ Златоустъ Запада—долженъ былъ пустить въ ходъ всю свою дипломатію, весь громадный запасъ своего административнаго таланта, чтобы въ своей кипучей дѣятельности не разбиться о подводные рифы современной ему государственно-общественной обстановки. Кириллъ Александрійскій, этотъ знаменитѣйшій дѣятель Александріи эпохи несторіанства, долженъ былъ перенести всѣ тяжести темничнаго заключенія прежде, чѣмъ добился торжества истины въ своей борьбѣ съ Константинопольскимъ епископомъ Несторіемъ и покровительствующимъ Несторію вліяніемъ двора. И такъ... было со всѣми дѣятелями христіанства IV вѣка, которые теперь, по всей справедливости, почитаются гордостью церкви, прославляются какъ столпы и утверженіе христіанской истины и жизни. И, наоборотъ, всѣ епископы, плившіе въ утлой ладѣ традиціонныхъ устоевъ современности, вродѣ Нектарія, предшественника Златоуста по кафедрѣ, который замѣчателенъ въ исторіи только тѣмъ, что никогда не возвышалъ своего пастырскаго голоса и въ пышности и великолѣпіи своего патріаршаго обихода соперничалъ съ богатѣйшими магнатами Константинополя,—вродѣ Теофила Александрійскаго, выдающагося придворнаго интригана, всегда примыкавшаго къ сильнѣйшей придворной партіи,—вродѣ Арсакія Константинопольскаго (преемника Златоуста), котораго даже церковные бытописатели называютъ не иначе какъ „гнилымъ пенькомъ“ (Симеонъ Метафрастъ),—всѣ эти и другіе многочисленныя епископы IV вѣка, теперь совсѣмъ позабытыя, безвѣстныя, — до конца своей жизни мирно проходили свое несложное служеніе и пользовались неизмѣнной твердостью своего положенія.

Такимъ образомъ факты исторической дѣйствительности свидѣтельствуютъ о томъ, что въ самой атмосферѣ церковно-общественной жизни эпохи Златоуста не все обстояло благополучно: были какія то скрытыя причины,

которыя тормозили обычно дѣятельность лучшихъ представителей христіанства въ ихъ борьбѣ за идеалы Христовой истины,—какъ въ области религіозной метафизики, такъ и въ области христіанской этики. Эти причины несомнѣнно скрываются въ дуализмъ міровоззрѣнія, которымъ прорѣзывается вся исторія древняго христіанства. Первые вѣка представляютъ намъ позорище нескончаемой упорной борьбы двухъ міровъ, двухъ міросозерцаній,—христіанскаго и языческаго. Эта борьба фактически не прекратилась для церкви и съ знаменательнаго момента объявленія христіанства свободнымъ въ римскомъ государствѣ (имѣемъ въ виду Миланскій эдиктъ Константина 315 года). Борьба съ этого момента только измѣнилась по формѣ, но не по существу. Съ 315 года прекратились юридическія гоненія на христіанъ со стороны языческаго государства, умолкли неистовые крики языческой черни: „ad leones christianos“—ко лвамъ христіанъ! Но борьба въ области идей не прекратилась, не прекратилась потому, что само римское государство и вся римская общественность, выступивши подъ знаменемъ креста Христова, сохранили въ сущности традиціонные устои языческаго міросозерцанія, весь строй традиціонной языческой практики жизни. Христіанство и въ своей религіозной метафизикѣ и въ своей религіозной этикѣ отъ начала до конца было проникнуто возвышенными идеалами,—оно стремилось возвысить нравственный обликъ эмпирическаго челоуѣка и ставило ему высокій идеаль подражанія І. Христу. Язычество, наоборотъ, спускало челоуѣка съ высотъ идеализма въ юдоль узкаго матеріалистическаго эпикуреизма и эту идеологію эпикуреизма воплотило въ неподвижныя формы опредѣленнаго, чисто языческаго, государственнаго и общественнаго строя. Самое религіозное сознаніе язычника, грека и римлянина, вполне гармонировало съ ихъ міровоззрѣніемъ. Величественные боги небснаго Олимпа постепенно приблизились въ ихъ сознаніи къ нравственному уровню обыкновенныхъ людей,—боги стали людьми въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Вѣковая связь религіи политеизма

съ римской государственностью въ данномъ отношеніи несомнѣнно имѣла рѣшающее значеніе. Въ греко-римскомъ мірѣ связь и взаимоотношеніе религіи и государственности, съ самаго начала ихъ историческаго бытія, были закрѣплены настолько твердо, какъ нигдѣ, какъ ни въ какомъ другомъ общественно-государственномъ организмѣ. Боги Олимпа—всѣ эти безчисленные Зевсы, Юпитеры, Меркуріи, Афродиты, Юноны, были въ тоже время родственной семьей греко-римскихъ царей и императоровъ. Весь сонмъ римскихъ жрецовъ возглавлялся величественной фигурой „Верховнаго жреца“ — императора. Религія политеизма и римское государство вслѣдствіе этого ассоціировались. Жизнь Олимпійскихъ боговъ и римскихъ властелиновъ тѣсно слилась даже въ формахъ своего внѣшняго выраженія. Олимпъ въ представленіи римлянина и грека оказался насельникомъ все того же грѣшнаго міра—съ его страстями, злодѣяніями, чело-вѣконенавистничествомъ, развратомъ. Вақханаліи, совершающіяся въ нѣдрахъ царскихъ палатъ и около царскаго трона, были окружены ореоломъ олимпійскаго величія, божественной святости и неприкосновенности. И мы видимъ, что еще Сократъ объявленъ былъ безбожникомъ, святотатцемъ, оскорбителемъ величества, за одно только то, что въ своихъ богословскихъ діалогахъ осмѣливался открыто живописать народу всю глубину нравственнаго паденія государственной власти, прикрывающейся авторитетомъ олимпійскихъ боговъ, низведенныхъ на трибуну безстыдства. Такимъ образомъ отношеніе римской государственности къ религіи, въ силу указаннаго нами сродства идей политеизма съ языческой государственностью, дифференцировалось въ формѣ приниженно-зависимаго служенія религіи интересамъ государственности. Религія языческаго политеизма, весь ея іерархическій строй, культовые постановленія, все это было сведено на степень обыкновенныхъ государственныхъ учреждений. Здѣсь доминировала не воля боговъ небснаго Олимпа, а личное усмотрѣніе все тѣхъ же императоровъ, верховныхъ жрецовъ, которые по собственному желанію являлись законо-

дателями и вдохновителями религіознаго сознанія и самой нравственной религіозной совѣсти. Въ первый, начальный, моментъ формальнаго торжества христіанства, всѣ эти традиціонныя устои римской государственности и общественности, конечно, не могли уничтожиться сразу и замѣниться новыми устоями въ духѣ началъ христіанственности. Римское государство и общественность должны были пережить еще долгій путь эволюціи, чтобы изъ христіанскихъ по формѣ обратиться въ христіанскія учрежденія по самому духу и существу. На практикѣ оказалось, что этотъ начавшійся для римскаго государства процессъ эволюціи сдѣлался въ тоже время ареной страшной борьбы въ нѣдрахъ самой христіанской церкви. Церкви пришлось, какъ и въ первые три вѣка, страшно и упорно бороться съ римскимъ государствомъ и обществомъ, если уже не за внѣшнее правовое существованіе, то за цѣлость самыхъ христіанскихъ устоевъ, которымъ стала грозить теперь серьезная опасность потонуть въ потокѣ всевозможныхъ языческихъ теченій со стороны римскаго общества и государства, не утвердившихся еще въ началахъ христіанскихъ вѣры и жизни.

Въ ряду этихъ теченій, въ области религіозной метафизики—первое мѣсто конечно занимаетъ аріанство съ его чисто языческой религіозно-философской системой сведенія личности Христа, какъ Бога, на положеніе простой твари,—такой же твари, какъ и всѣ прочіе люди. Правда, сѣмена аріанства, какъ языческой отрасли религіознаго богосознанія, скрываются еще въ глубокой древности. Еще евіониты (во 2 в.) и Павелъ Самосатскій (въ 3 в.) проповѣдывали въ сущности такое же ученіе, считая Христа простымъ человѣкомъ. Но тогда это ученіе было мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ небольшой кучки ренегатовъ ортодоксальнаго христіанства. Теперь же аріанство, выступаетъ уже въ формѣ цѣлаго движенія, которое бурною волною захлестываетъ громадную часть христіанскаго общества и успѣваетъ добиться доминирующаго положенія въ глазахъ самого государства. Аріанство, съ его развѣтвленіями на нѣкоторое время—очень продолжи-

тельное—становится даже государственною вѣрою. Самъ императоръ Константинъ, въ общемъ безпристрастный судья религіозныхъ вопросовъ церкви, нѣкоторое время оказываетъ покровительство аріанамъ и все время имѣеть, въ качествѣ духовныхъ руководителей, аріанствующихъ епископовъ,—Евсевія Кесарійскаго и Евсевія Никомидійскаго, отъ котораго принимаетъ и св. крещеніе. Императоры Констанцій и Валентъ, а изъ западныхъ Валентиніанъ и Юстина выступаютъ уже настоящими апостолами аріанства и, цѣною гоненій на ортодоксальную церковь, возвышаютъ его на положеніе profession de foi самого государства. Таковы первые плоды начавшейся въ IV в. аккомодации устоевъ христіанства съ устоями традиціоннаго язычества въ области традиціонной метафизики, при доминирующемъ значеніи римской государственности.

Параллельно—и въ томъ же духѣ—совершалась въ IV вѣкѣ эволюція христіанства и въ области нравственно-практической жизни. И здѣсь государственное положеніе христіанства оказало несомнѣнно громадное вліяніе на пониженіе общаго уровня нравственнаго самосознанія церковнаго общества въ его цѣломъ. Римская государственность и общественность, ставши официально подъ знамя креста Христова, сразу ввели въ лоно церкви множество такихъ членовъ, которые приняли христіанство только по имени, а по духу и по жизни были еще настоящими язычниками. Въ концѣ концовъ оказалось, что подъ новой формой государства христіанскаго укрылся все тотъ же старый строй бытового языческаго уклада жизни—личной, общественной, государственной... „Проникнутой духомъ язычества осталась вся общественная жизнь Византіи, съ ея языческими идеями, съ ея церемониальными торжествами, съ ея триумфами, съ ея гордостью, съ ея самоупоеніемъ и со всею позолоченной ветошью языческаго міра, которая охватывала всѣ общественные нравы и была узаконена государственнымъ правомъ“. Государство естественно не могло отрѣшиться и отъ традиціоннаго языческаго взгляда на самое отношеніе религіи къ государственности. Какъ древній Олимпъ, церковь оказа-

лась въ концѣ концовъ подчиненной государству. Парализовалась всеосвящающая сила нравственного вліянія церкви чрезъ ея союзъ съ двоевѣрнымъ полуязыческимъ - полухристіанскимъ государствомъ.

Такимъ образомъ жизнь христіанскаго общества—на самой зарѣ государственнаго положенія христіанства въ имперіи—поставила на очередь разрѣшеніе кардинальнаго вопроса первостепенной важности. Церкви предстояла задача серьезно озаботиться объ укрѣпленіи христіанскаго ученія, какъ въ области метафизики, такъ и въ области этики. Задача борьбы до чрезвычайности усложнилась при этомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что противоположная христіанству идеологія была глубоко заложена въ самыхъ основахъ традиціонной римской государственности и санкціонировалась всѣмъ ея традиціоннымъ укладомъ. Со стороны церкви, самымъ ходомъ вещей, требовался такимъ образомъ особенный героизмъ, чрезвычайный подъемъ духа и энергіи, чтобы спасти устои христіанства, привить евангельскіе идеалы къ самосознанію современнаго общества. И такіе герои духа нашлись, не смотря на то, что общее разложеніе нравственно-религіозныхъ устоевъ въ данный переходный моментъ роковымъ образомъ отразилось на настроеніи самой іерархіи. Среди іерарховъ IV вѣка было много такихъ лицъ, которые вмѣстѣ съ обществомъ спустились съ неба на землю и усвоили себѣ идеологію современной языческой жизни. Появились всѣ эти Акакіи беррійскіе, Теофилы александрійскіе, Кирины, Северіаны, которые показали всю свою нравственную безличность въ грустной исторіи Златоуста.

Герои христіанскаго духа вышли не изъ этой среды, а изъ иной ограды церковной, какой съ самаго начала IV вѣка оказалось монашество.

Знаменательно самое появленіе монашества, какъ разъ въ пору государственнаго положенія христіанства въ имперіи, въ пору начавшагося разложенія его нравственно-религіозныхъ устоевъ. До IV в. монашества, какъ строго организованнаго института отшельничества, не было, —

не было потому, что въ самой жизни церкви первыхъ трехъ вѣковъ не представлялось еще повода къ образованію среди вѣрующихъ особаго класса людей, вынужденныхъ внѣ міра созидать свое нравственно-духовное величіе. Христіанская община первыхъ трехъ вѣковъ была еще настолько крѣпка нравственно-религіозной устойчивостью, что представляла изъ себя какъ бы одно организованное тѣло, одушевленное высокимъ горѣніемъ нравственно-религіознаго духа. Только съ начала IV вѣка, когда обнаружилось нравственно-религіозное разложеніе среди членовъ самой христіанской общины, оказалась на лицо необходимость уйти отъ этихъ членовъ въ монастырскіе затворы и здѣсь, вдали отъ міра, созидать свое нравственное величіе. Такимъ образомъ самая жизнь выдвинула появленіе монашества, съ его аскетическими идеалами, съ его обѣтомъ дѣвства. Такъ образовалась какъ бы особая церковь въ церкви, но возросшая въ интересахъ самой же церкви. Являясь *по формѣ* антиобщественнымъ институтомъ, съ точки зрѣнія общественности государственной, монашество по *существу* своему не было выраженіемъ ренегатства по отношенію къ общественности чисто христіанской. Оно, въ самыхъ основахъ своей идеологии, представляло только возвратъ къ утраченному нравственно-религіозному совершенству первобытной христіанской общественности. Въ осуществленіи самыхъ обѣтовъ дѣвства монашество не было отрицаніемъ христіанской брачной семейственности въ самомъ ея принципѣ, а только уходомъ отъ этой семейственности въ интересахъ болѣе свободнаго развитія нравственно-религіозной личности. Это былъ своего рода аристократизмъ духа, но принаровленный *только* къ условіямъ индивидуальных стремленій личности въ борьбѣ ея съ нравственно-религіозной приниженностью. Міръ, какъ цѣлое, съ его жизнью по идеаламъ Евангелія, не уничтожался въ сознаніи монаха-аскета. Христіанскій бракъ, чистая христіанская семейственность, государственно-общественныя отношенія, какъ необходимые основы жизни міра, не исключаются изъ кодекса правилъ монашеской аскетики. Иначе,

были бы невозможны и тѣ выступленія въ міръ внѣшней общественности со стороны многихъ первобытныхъ христіанъ-аскетовъ, которые проявляли свою кипучую дѣятельность не только въ монастырскихъ затворахъ, но и на аренѣ жизни внѣ-монастырской. Всѣ лучшіе дѣятели четвертаго вѣка христіанства были монахами-аскетами по своему первоначальному воспитанію и образованію. Таковы: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Іеронимъ, и, наконецъ, нами нынѣ прославляемый св. Іоаннъ Златоустъ. Всѣ эти знаменитые столпы христіанства IV вѣка, въ монастырскихъ затворахъ создавшіе крѣпость своихъ нравственно-религіозныхъ силъ, закалившіе свой нравственный характеръ, зрѣлые годы своей жизни посвятили міру, для созиданія въ немъ царства Божія. Имъ собственно христіанская церковь обязана тѣмъ, что она вышла чистой и незапятнанной изъ горнила испытаній, предпосланныхъ ей государственно-общественной жизнью IV вѣка. Они собственно на своихъ плечахъ вынесли всѣ тяжести переходнаго момента христіанизации римскаго общества IV вѣка, какъ въ области метафизики, такъ и въ области этики. Аѳанасій Великій, Василій и оба Григоріи были по преимуществу защитниками метафизической стороны христіанства и своей упорной дѣятельностью прервали грозный потокъ языческой идеи, пронесшійся въ сознаніи христіанъ IV вѣка въ формѣ аріанства.

Іоаннъ же Златоустъ оказался столпомъ христіанства въ области нравственно-практической жизни по преимуществу. Здѣсь лежитъ его главная и незамѣнимая заслуга для церкви и общества. Эта дѣятельность, проведенная имъ на фонѣ мрачной дѣйствительности, и стяжала ему мученичeskій вѣнецъ въ далекомъ изгнаніи. Намъ нѣтъ необходимости вдаваться въ подробный анализъ всѣхъ мельчайшихъ частныхъ широкой дѣятельности Златоуста (что можетъ служить предметомъ спеціального изслѣдованія). Мы представимъ только общій образъ его свѣтлаго облика, какой тѣсно связывается съ его личностью, без-

условно великой въ лѣтописяхъ церковной исторіи. И прежде всего самая жизнь Златоуста вызываетъ въ насъ невольное удивленіе своею цѣльностью, твердостью, непреклонностью шествованія по пути нравственно-религіозныхъ идеаловъ христіанства. Сынъ богатаго антиохійскаго аристократа Секунда и Аноусы, — этой рѣдкостной по своему нравственному величію женщины-христіанки, по адресу которой знаменитый языческій риторъ Ливаній высказывалъ восторженный отзывъ: „какія удивительныя женщины у христіанъ“, — І. Златоустъ еще въ молодости обнаружилъ положительныя черты своего нравственно-религіознаго характера. Онъ въ числѣ немногихъ, исторически извѣстныхъ, лицъ былъ пораженъ тѣмъ двоевѣріемъ, той нравственною распушенностью, какая царила въ окружающемъ его обществѣ. Эта чуткость совѣсти, внѣдренная въ его сердце умѣлымъ воспитаніемъ Аноусы-христіанки, и опредѣлила его нравственно-религіозную настроенность на всю его жизнь. Критическимъ моментомъ въ его жизни было выступленіе въ Антиохіи въ качествѣ адвоката. Столкнувшись такимъ образомъ съ развратнымъ антиохійскимъ обществомъ лицомъ къ лицу, онъ опытно узналъ язвы своего времени. Тогда же, несомнѣнно, созрѣло у него сознаніе той опасности, которая грозила ему самому со стороны грѣшнаго антиохійскаго общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ зародилось чувство собственной неподготовленности къ борьбѣ съ нравственнымъ разложеніемъ этого общества. Златоустъ покидаетъ поприще адвоката и уходитъ внутрь своего собственнаго духовнаго міра. Начались для него долгіе годы самособранности, выработки своего собственнаго нравственнаго характера, при чемъ Евангеліе сдѣлалось его любимой книгой, въ которой онъ, подъ руководствомъ Аноусы, жадно искалъ и находилъ идеалъ жизни человѣка-христіанина. Впослѣдствіи Евангеліе, — вообще Св. Писаніе, — такъ и осталось единственнымъ руководительнымъ источникомъ всей его дѣятельности, вдохновляющимъ началомъ для его дивной проповѣди. Кто близко знакомъ съ многочисленными рѣчами Златоуста, тотъ прекрасно знаетъ, что всѣ онъ со-

ставляютъ собственно сплошной комментарий библейскихъ истинъ жизни. Его сочиненія, почти всѣ написанныя въ видѣ гомилій, т. е. живыхъ бесѣдъ,—своего рода расширенное Евангеліе, приспособленное къ запросамъ и нуждамъ его времени. Въ этомъ—вся ихъ прелесть и главное достоинство. Проповѣди Златоуста — это собственно широко набросанная программа всей жизнедѣятельности христіанина по завѣтамъ Евангелія. Вмѣстѣ съ этимъ онѣ составляютъ отображеніе и его собственного нравственно-религіознаго характера.

Но Евангеліе для Златоуста было все же только общимъ вдохновляющимъ началомъ его нравственно-религіозныхъ настроеній, а реальный образъ его удивительно-стойкаго нравственно-религіознаго характера былъ несомнѣнно результатомъ еще и иной школы. Этой школой для него былъ монастырскій затворъ, въ который онъ удалился по своему настойчивому желанію (вопреки даже совѣту матери), въ то время, когда ему стало ясно, что и домашняя обстановка жизни въ мірѣ все-же не можетъ дать ему полнаго удовлетворенія на пути къ нравственно-религіозному совершенству. Подъ руководствомъ старца Діодора, епископа Тарсійскаго, извѣстнаго знатока Св. Писанія, Златоустъ и пробылъ въ Тарсійскомъ монастырѣ шесть лѣтъ. За это время онъ опытно прошелъ трудный путь усвоенія евангельскихъ идеаловъ. Нравственная природа св. подвижника здѣсь закалилась окончательно и окрѣпла настолько, что черезъ 6 лѣтъ аскетическаго подвига онъ уже не боялся снова возвратиться въ свой родной домъ и затѣмъ начать пастырское служеніе. Въ монастырскомъ затворѣ появились и первые труды Златоуста—его знаменитые трактаты, посвященные вопросамъ христіанской этики (изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить: „О дѣвствѣ“, „Къ Θεодору падшему“ и „шесть словъ о священствѣ“).

Аскетика Златоуста была несомнѣнно результатомъ прежде всего его собственныхъ подвижническихъ трудовъ. Въ его аскетикѣ насъ главнымъ образомъ поражаетъ слѣ-

дующая особенность его взгляда. За внѣшними подвигами аскета-монаха (дѣвствомъ, суровыми подвигами, постомъ) онъ признавалъ только внѣшнее, чисто воспитательное значеніе. Эти подвиги — только средство, цѣлесообразно приноровленное къ образованію въ человѣкѣ твердаго христіанскаго настроенія и непреклонной воли. Въ частности, дѣвство—это только гавань для болѣе удобной борьбы со страстями, но гавань, не исключаящая и другой жизни,—брачной, семейной. Потому дѣвственнику и подвижнику-монаху не слѣдуетъ превозноситься своими подвигами, если чрезъ нихъ не возгрѣвается духъ христіанской жизни. „Невеликую цѣну имѣетъ желѣзо (веригъ), если разумъ не сдерживаетъ плоти въ духовныхъ узахъ“, говорилъ епископъ Мелетій, руководитель Златоуста. Въ этомъ же духѣ мыслилъ несомнѣнно и Златоустъ, когда утверждалъ: „менѣе существенно убѣгать въ пустыню, чѣмъ умѣть приходить въ истинное душевное уединеніе“ (Слово къ Стелехію). Самъ Златоустъ своимъ примѣромъ ухода изъ монастыря ясно показалъ, что онъ придавалъ монастырскому аскезису только преходящее значеніе на пути къ болѣе широкой дѣятельности все того же монаха-аскета, въ его борьбѣ со всѣмъ окружающимъ міромъ. Болѣзнь Златоуста, постигшая его въ монастырѣ, была несомнѣнно только внѣшнимъ поводомъ къ уходу изъ затвора; главная же причина заключалась въ его желаніи разомкнуть узкія рамки жизни аскета-монаха и поставить его предъ лицомъ всего міра. Та любовь—христіанская, всепроникающая, о возгрѣваніи которой онъ особенно много распространяется на протяженіи всѣхъ своихъ сочиненій, несомнѣнно заставила его выйти на служеніе „малымъ симъ“, чтобы способствовать, такимъ образомъ, созданію всеобщаго царства Христова. Вообще, монашество, по его взгляду, не есть установленіе необходимое, а только вынужденное „развращенностью городовъ“, въ которыхъ уже невозможно стало жить совершенному христіанину. Самое приготовленіе къ пастырству, по взгляду Златоуста (особенно подробно развитому имъ въ книгахъ „О священствѣ“), должно состоять въ

прохожденіи аскетическихъ подвиговъ — смиренія, нестяжательности, постоянного возгрѣванія духа энергіи и рѣшимости постоять за дѣло Христово, безъ всякихъ сдѣлокъ съ совѣстью. Такимъ образомъ пастырство предносится ему, какъ переходная ступень отъ аскетизма—монашескаго къ аскетизму—всехристіанскому. И вотъ, когда самъ Златоустъ почувствовалъ въ себѣ избытокъ нравственныхъ силъ, готовность проявить твердую и несокрушимую волю, онъ разорвалъ узы монастырскаго затвора и съ *внутреннимъ* обликомъ монаха-аскета вышелъ въ міръ, чтобы проявить здѣсь величіе своей нравственной свободы. Впрочемъ, сознание собственнаго безсилія и слабости въ борьбѣ съ міромъ, и сознание высокої ответственности пастыря церкви, никогда не покидало Златоуста. Предъ позорищемъ страшнаго паденія нравовъ среди современнаго ему клира и особенно среди высшихъ представителей церкви (о чемъ самъ онъ неоднократно скорбитъ въ своихъ сочиненіяхъ) его сильный духъ какъ бы инстинктивно слабѣлъ изъ боязни, можетъ быть, тяжелой отвѣтственности за свой собственный пастырскій подвигъ. Мы видимъ, что придворному временщику, евнуху Евтропію. пожелавшему во что бы то ни стало видѣть Златоуста на каѳедрѣ Константинополя, только путемъ обмана удалось выманить его изъ Антиохіи и привести въ Константинополь. Если бы не хитрость и не властный капризъ Евтропія, мы, можетъ быть, такъ и не увидѣли бы никогда Златоуста въ епископскомъ санѣ...

Все пастырское служеніе Златоуста, сначала въ санѣ діакона и пресвитера—въ Антиохіи и въ санѣ епископа—въ Константинополѣ, было, можно сказать, сплошнымъ подвигомъ борьбы святителя съ окружающимъ зломъ нравственно - религіознаго паденія. Въ высшей степени строгій къ себѣ, онъ былъ безпощаденъ къ другимъ,—въ качествѣ обличителя пороковъ. Главнымъ орудіемъ борьбы для него былъ его прирожденный талантъ—то удивительное краснорѣчіе, которое онъ использовалъ, можно сказать, до глубины, выступая постоянно въ качествѣ проповѣдника съ каѳедры церковной. Въ виду этого почти

всѣ его чрезвычайно многочисленныя сочиненія (числомъ болѣе 600, кромѣ тѣхъ, которые не дошли до настоящаго времени) были написаны имъ въ формѣ гомилій, т. е. церковныхъ бесѣдъ. Съ поученіями онъ обычно выступалъ еженедѣльно въ каждое воскресенье, но иногда, по требованію обстоятельствъ, говорилъ и каждый днь, даже дважды въ день (въ Антиохіи по случаю низверженія статуи). Повидимому, запасъ краснорѣчія у Златоуста былъ неисчерпаемый, такъ что проповѣдническая дѣятельность едва ли представляла для него большое затрудненіе. Многія свои рѣчи онъ несомнѣнно импровизировалъ прямо въ церкви, такъ какъ нѣкоторыя подробности проповѣди положительно исключаютъ всякую мысль о предварительной ея подготовкѣ. Оттого въ его проповѣдяхъ совершенно отсутствовала шаблонная дѣланность и искусственность. Оттого-то въ нихъ все содержаніе, отъ начала до конца, дышало необыкновенной простотой, задушевностью и рѣдкой искренностью самаго тона. По всему было видно, что самъ ораторъ какъ бы переживалъ всѣ свои мысли и какъ бы переливалъ ихъ въ самое сердце своихъ слушателей. Слова Златоуста были какъ бы частью его собственнаго организма. Вотъ почему слушатели очень часто такъ неистово рукоплескали своему любимому проповѣднику. Вотъ почему невольные взрывы одобренія часто раздавались даже и тогда, когда Златоустъ не менѣ пламенно убѣждалъ свою аудиторію щадить святыню храма и не уподоблять храма амфитеатру. Съ глубиной чувства и прелестью мысли проповѣдь Златоуста совмѣщала въ себѣ и особое изящество вполне классической рѣчи, которая обычно ровно и плавно лилась изъ его устъ потоками мягкихъ пріятныхъ звуковъ. При всей своей непривлекательной, приземистой и истощенной, внѣшности Златоустъ обладалъ удивительно симпатичнымъ голосомъ, который долеталъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ зданія, возбуждая во всѣхъ самое напряженное вниманіе. Но что особенно поражало въ проповѣдяхъ Златоуста, такъ это—его удивительное безстрашіе и нелицепріятность. Объ этихъ качествахъ свидѣтельствуютъ положительно

всѣ его проповѣди. Златоустъ не страшился бичевать своими обличеніями даже грознаго въ его время временщика-вельможу Евтропія, извѣстнаго по всей имперіи своею мстительностью и жестокостью,—гордую своенравную и вспыльчивую императрицу Евдоксію, жену безвольнаго и слабаго Аркадія, — многихъ представителей высшей аристократіи, погрязавшихъ въ страшныхъ порокахъ. Особенно много обличеній излилъ Златоустъ по адресу Марціи, Кастриціи и Евстаратіи,—этихъ высокопоставленныхъ куртизантокъ Константинополя, положительно утопавшихъ въ нѣгѣ и безумной роскоши. Златоустъ въ одинаковой мѣрѣ и безъ всякаго притворства и боязни обличалъ и простого ремесленника, и наголодавашагося буйнаго пролетарія и грубыхъ монаховъ и преданное мірскимъ интригамъ и роскоши духовенство, проводившее все время въ обществѣ „агапетокъ“. И всѣ эти обличенія не были выраженіемъ простого только показнаго фарисейства. Въ своей личной жизни Златоустъ былъ внѣ всякаго подозрѣнія въ тѣхъ или иныхъ порокахъ, которые онъ выносилъ на судъ общественной совѣсти. Бичуя богатство и расточительность роскоши, онъ самъ—въ своей личной жизни—представлялъ примѣръ крайней нестяжательности и простоты, доходившихъ даже до спартанскаго пуризма. Въ роскошныхъ патриаршихъ палатахъ своего предшественника Нектарія онъ произвелъ полную реставрацію. Всю раззолоченную обстановку, дорогіе ковры, украшенія, парадные выѣзды онъ распродалъ, и вырученныя деньги употребилъ на больницы, на кормленіе бѣдныхъ и сиротъ. Самъ нѣкогда владѣлецъ богатыхъ помѣстій своего отца, онъ не имѣлъ ровно никакой собственности: весь его домашній обиходъ ограничивался только самой необходимой утварью и одеждой. Возставая противъ лукулловскихъ обѣдовъ современныхъ ему аристократовъ, онъ самъ соблюдалъ крайнюю умѣренность въ пищѣ и упорно отказывался раздѣлять даже царскіе пиры; за что и испытывалъ постоянный гнѣвъ со стороны императрицы Евдоксіи. Простота и незатѣйливость его личной жизни не разъ служили

причиною негодованія даже со стороны духовенства. Известно, что Акакій, епископъ Беррійскій, привыкшій встрѣчать у патріарха Нектарія роскошныя и обильныя угощенія, пришелъ въ крайнюю ярость, когда однажды за столомъ Златоуста ему пришлось удовольствоваться однимъ только блюдомъ и одной только бутылкой кислаго вина. Всѣ богатые доходы патріархіи, всѣ обильныя пожертвованія, которыя отдавались въ руки Златоуста, получали у него совершенно иное назначеніе—они шли въ пользу бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, въ пользу больницъ и страннопримницъ, въ которыя превратились всѣ обширныя помѣщенія патріархіи. Самъ Златоустъ довольствовался при этомъ одной только самой маленькой комнатою. Понятно, съ какимъ нескрываемымъ раздраженіемъ должны были выслушивать проповѣдь Златоуста о богатствѣ всѣ константинопольскіе богачи и, наоборотъ, съ какимъ живымъ сочувствіемъ и пыломъ внимали ей всѣ бѣдняки, которые прекрасно знали, что между словомъ и дѣломъ у Златоуста нѣтъ преграды.

Во всѣхъ рѣчахъ Златоуста противъ богатства и роскоши аристократіи, противъ злоупотребленій чиновниковъ своею властью, нѣкоторые изслѣдователи эпохи Златоуста, вродѣ г. Морозова (см. его работу: „Въ грозѣ и бурѣ“), стараются усмотрѣть скрытное политиканство Златоуста въ духѣ современныхъ социалистическихъ теорій. Но думать такъ—это значитъ совершенно не знать Златоуста, не понимать жизненнаго нерва всей его дѣятельности. Центръ тяжести Златоустовской проповѣди вовсе не въ политикѣ, а въ христіанской этикѣ, гдѣ все сводится къ личности каждаго отдѣльнаго индивидуума, къ свободѣ личнаго произволенія. Политика всегда предполагаетъ въ основѣ своей виѣшнее принужденіе и насиліе. Ни о какомъ насиліи Златоустъ никогда не говорилъ. Возставая противъ богачей, онъ всегда апеллируетъ только къ ихъ совѣсти, желая вызвать съ ихъ стороны свободное расположеніе въ сторону милосердія къ бѣдности. Ни въ одной проповѣди Златоуста мы не встрѣтимъ также призыва, обращеннаго къ черни, съ цѣлью натравить ее про-

тивъ богачей, возбудить ее къ насилію надъ ними. Вообще роль политическаго демагога совершенно не въ духѣ Златоуста. Это ясно видно, хотя бы изъ того факта, что онъ въ критическую минуту своей жизни, когда зашаталось его положеніе въ Константинополѣ, не только не воспользовался для себя услугами волнуемой черни, но дѣйствовалъ на нее какъ разъ въ противоположномъ направленіи. Съ своей стороны онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы успокоить мятущуюся душу своихъ пасомыхъ; призывалъ ихъ покориться Провидѣнію. „Богъ далъ, Богъ и взялъ“—вотъ собственныя слова Златоуста, сказанныя имъ при прощаніи. Въ нихъ излилось все настроеніе изгнанника.

Правда, Златоустъ былъ проводникомъ въ сознаніе общества идеи всеобщаго братства, равенства, свободы, но исключительно только въ духѣ идеала христіанства, осуществленнаго въ первохристіанской апостольской общинѣ, когда „каждый имѣлъ вся обща“, но по добровольному соглашенію, въ силу свободы личнаго произволенія. Къ этому произволенію призывалъ и Златоустъ, одушевляя всѣхъ и cadaго проникнуться идеаломъ первохристіанской апостольской общности, скрѣпленной самоотверженной любовью къ ближнему. И самъ Златоустъ глубоко носилъ въ себѣ образъ ап. Іоанна,—этого апостола любви по преимуществу. Любовь, какъ христіанская добродѣтель,—любовь, срастворенная чувствомъ состраданія и милосердія, составляетъ жизненный нервъ, какъ самого Златоуста, такъ и всей его—Златоустовской проповѣди. Такую любовь онъ проявлялъ даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ своей обличительной проповѣди, направленной противъ всѣхъ современныхъ ему грѣшниковъ. Когда властный Евтропій, главный врагъ Златоуста, палъ во мнѣніи императрицы, когда онъ, униженный, спасаясь отъ ея гнѣва, самъ обратился за помощью къ духовному пастырю, Златоустъ, съ истинно христіанской любовью, не отвернулся отъ Евтропія, не излилъ на немъ свой гнѣвъ, а любовно призрѣлъ его въ храмѣ, который даже по тогдашнимъ варварскимъ нравамъ считался не-

прикосновенной святыней. Златоустъ, при видѣ кающагося Евтропія, получилъ только поводъ обратиться къ народу съ проповѣдью о прощеніи грѣшнику, о суетности мірскаго величія власти. Совершенно вѣрно охарактеризовалъ настроеніе Златоуста историкъ Неандеръ: „насколько Златоустъ былъ безжалостенъ ко грѣху, настолько же онъ былъ исполненъ милосердія къ грѣшнику“...

Мы не споримъ, что и развращенному воображенію современниковъ Златоуста, которые выслушивали его пламенные, неслыханныя доселѣ, обличительныя, рѣчи, мерещился въ нихъ порой призракъ епископа-демагога, посягающаго на устои политической жизни, но.... подобный призракъ уже слишкомъ обычное явленіе въ политической жизни всѣхъ народовъ. Фактъ только тó, что Златоустъ палъ, но фактъ также и тó, что онъ уже чрезъ семь лѣтъ послѣ своего мученичества возсталъ въ сознаніи того же общества, окруженный ореоломъ святости и невинности. Самъ Θεодосій въ 438 году, при перенесеніи мощей Златоуста—мученика изъ Команы въ Константинополь, своими слезами какъ бы омывалъ грѣхъ своихъ царственныхъ родителей. Вообще исторія Златоуста—грустная но вѣчная исторія!...

Л. Писаревъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru